

В. А. Зверев

**О САНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ:
ПОСЕЛЕНИЯ И ДВОРЫ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* О санитарной культуре доколхозной деревни: поселения и дворы наших земляков / В. А. Зверев // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области / под ред. Л. М. Горюшкина, В. А. Зверева. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 153–163.

Среди многих проявлений традиционной русской народной культуры значимое место занимала санитарно-гигиеническая, санитарно-бытовая культура. Она являлась основой жизнесохранительного (витального, санитарного) поведения крестьянства и близких ему по культуре и образу жизни категорий сельского и городского населения. Изучение санитарной культуры как в ее традиционном виде, сформировавшемся в Средневековье, так и в процессе общественной модернизации, начавшемся в российской деревне с конца XIX в. — важная задача специалистов по социальной и культурной истории, в том числе историков-краеведов. Применительно к Сибири, к Новосибирской области эта задача до сих пор не формулировалась, специальных исследований не проводилось¹.

В этнографической литературе о русских, в том числе сибиряках, намечено изучение более частных вопросов: о личной гигиене (Д. К. Зеленин), санитарном состоянии жилищ (О. Н. Шелегина и др.)². Получены аргументированные выводы о чистоте и опрятности как характерных особенностях жилища сибиряков-старожилов, о прогрессивной эволюции в XVII — первой половине XIX в. бытовой культуры в Сибири, — эволюции, которую сдерживали постоянные миграции из-за Урала (в избах переселенцев наблюдатели отмечали «грязь и беспорядок»).

Эти выводы сейчас используются краеведами при характеристике ситуации на территории Новосибирской области и в период второй половины XIX — начала XX в. Однако желательна проведение конкретного исследования именно по этому и последующему периодам, по этой территории, с охватом не только жилищных условий, но и прочих сторон санитарного быта крестьянства.

В настоящей статье дается сравнительная характеристика санитарно-гигиенического

¹ Первые наши научно-популярные публикации краеведческого характера на эту тему см.: *Зверев В. А.* Не красна изба углами... // Сов. Сибирь. 1996. 2 марта; *Он же.* Дождем покрыты, ветром огорожены // Сов. Сибирь. 1996. 27 нояб.

² См.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 273—288; *Шелегина О. Н.* Очерки материальной культуры русского крестьянства Западной Сибири. Новосибирск, 1992. С. 81–86; *Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.).* М., 1981. С. 130—131.

состояния сельских поселений и дворов в двух основных зонах на территории современной Новосибирской области — в Барабинско-Кулундинской и Приобской, отличающихся географическими и социально-экономическими, демографическими, этнокультурными условиями своего исторического развития. Возможность решить указанную задачу нам предоставляют материалы проведенных в 1920-е гг. медицинскими и землеустроительными органами Сибирского края массовых санитарных обследований сельских населенных пунктов и водотехнических сооружений¹. Обследования охватили все основные регионы Сибири, в частности, территорию современной Новосибирской области, которая в административном отношении была в то время поделена между несколькими округами. Среди них — Барабинский и Новосибирский (они целиком укладывались в нынешние границы области), а также Каменский округ в его северной части.

В 1924—1927 гг. в трех указанных округах санитарные врачи и инженеры-гидротехники осмотрели и описали по вопросам специальной анкеты 1085 поселений, 566 речных мест, 853 озера и пруда, 84 искусственных котлована². Сводные результаты этой работы вскоре опубликовал инженер И. К. Гаркунов в книге «Сельское водоснабжение Сибирского края» (Новосибирск, 1929). Часть местных материалов вошла в другие публикации или отложилась в архивных фондах. В 1926—1927 гг. санитарная организация Новосибирского окрздрава во главе с доктором М. Л. Айзиным по аналогичным анкетам и путем визуального осмотра мобилизовала и обобщила данные о трех старожильческих селах, 27 переселенческих поселках, 127 колодцах в западной (восточно-барабинской) части округа — в Каргатском и Индерском районах. Материалы этого обследования до сих пор не публиковались³. В 1927 г. врачебный отряд Сибкрайздрава осмотрел и описал по анкетной форме 22 переселенческих поселка в Барабинском округе — в Верхне-Ичинском, Купинском, Новотроицком, Спасском, Татарском и Чановском районах. Профессор К. М. Гречищев опубликовал итоги этого обследования вместе с данными о новоселах других регионов Сибири⁴.

Поскольку все названные обследования проводились в рамках общей программы по сходной методике, они дали богатые сравнительные сведения о санитарных условиях жизни разных групп крестьянства, об отношении сельчан к этим условиям. Материалы массовых обследований 1920-х гг. дополнены в настоящей статье данными медико-санитарного

¹ Подробный анализ этого комплекса см.: *Зверев В. А.* Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX — XX в.). Новосибирск, 1997. С. 129—153.

² Подсчитано по: *Гаркунов И. К.* Сельское водоснабжение Сибирского края. Новосибирск, 1929. С. 8, 38, 49.

³ См.: ГАНО, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 1—8 об.

⁴ См.: *Гречищев К. М.* Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск, 1928.

надзора за деревенским бытом предшествующего времени, воспоминаниями очевидцев, делопроизводственными и иными источниками. В итоге хронологические рамки статьи включают период второй половины XIX — первой трети XX в. Именно в этот период было обустроено абсолютное большинство подвергшихся осмотру дворов сибиряков-старожилов, тогда же (начиная с 1890-х гг.) возникли в Барабе и Кулунде обследованные переселенческие поселки.

Исследователями установлено, что во второй половине XIX — начале XX в. русское население Новосибирского Приобья было сосредоточено в основном в приречных старожильческих селах и деревнях, частично — на выселках (заимках), недавно образованных путем отселения части жителей из «старозаселенных» мест. Прибывавшие из Европейской России переселенцы иногда образовывали новые поселки, но чаще приселялись к обществам «природных» сибиряков, сравнительно быстро ассимилировались в их среде в культурно-бытовом отношении. В 1920-е гг. такая ситуация в основном сохранялась. Быт и культура приобских крестьян развивались на северно- и среднерусской этнокультурной основе.

В Барабинско-Кулундинской зоне в отдалении от редких старожильческих поселений в изучаемое время возникло множество переселенческих поселков. Приехавшие после 1900 г. новоселы основали свыше половины всех населенных пунктов, располагавшихся на территории Новосибирской области к концу 1920-х гг.¹ В западной зоне области сложилось большое разнообразие этнокультурных влияний. В северных урманских местах Барабы и в Васюганье укоренились в основном севернорусские и белорусские традиции. В средней лесостепной полосе вдоль «чугунки» (Транссибирской железной дороги) оседало много носителей среднерусской культуры. А в южной степной Барабе и в Кулунде в процессе заселения смешивались южнорусские, украинские и белорусские хозяйственно-бытовые и культурные комплексы².

Привлеченные нами материалы обследований содержат весьма неполные сведения о санитарном состоянии **старожильческих населенных пунктов в Приобье**. Однако с учетом иных источников можно сделать следующие, весьма неоднозначные, выводы.

В здешней местности, богатой чистой проточной водой, обширными сосновыми лесами, удобным для хозяйства слабопересеченным рельефом, мягким (для Сибири) климатом, русские крестьяне еще в XVIII — середине XIX в. выбрали сравнительно благоприятные в экологическом и санитарно-гигиеническом отношении участки для поселения. Известный ученый В. П. Семёнов-Тян-Шанский так описывает в мемуарах свои впечатления от поездки

¹ Барабинский округ // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 229.

² См.: *Филитова Н. Н.* Сельское расселение русских в Новосибирской обл. в XVIII—XIX вв. //

в 1895 г. из с. Бердского в д. Мосты (ныне — Искитимский район Новосибирской области) вдоль р. Бердь: «... выехали на более открытые места, очень живописные. [...] Правый берег покрыт почти сплошь хвойными лесами. В глубине долины течет, прихотливо извиваясь, то синяя, то серебрясь на солнце, речка... В долине довольно часто расположены села. Через несколько часов местность, сохраняя прежний характер, стала еще красивее... Синие тона пали, и золотистое освещение удивительно приятно ласкает глаз, дышится так вольно, хорошо...»¹. И Семёнов, и другие путешественники, ненадолго попадавшие в западносибирскую деревню, единогласно отмечали, что «чалдоны» живут опрятно — «так чисто, как нигде в России» не живут крестьяне².

Однако при внимательном рассмотрении, особенно с учетом мнения специалистов-медиков, выяснялось, что населенные пункты старожилов все же имели существенные санитарные недостатки. Главный из них — «занавоживание», загрязнение жилой территории бытовым мусором, в первую очередь навозом со скотных дворов. Основная его масса не вывозилась в качестве удобрений на поля, а скапливалась в течение многих лет на подворьях, улицах и околицах деревень. Ежегодные отчеты окружных сельских врачей, наряду с иными источниками, показывают, что крестьяне сваливали навоз и прочие хозяйственно-бытовые отбросы летом на берега, зимой — на лед рек и озер в наивном расчете, что поднявшаяся весной вода ассенизирует их. Активно использовали «назем» для засыпки завалинок у изб, выравнивания улиц и т. д.³ Жительница с. Плотниково нынешнего Новосибирского сельского района А. М. Ганцевич в своих воспоминаниях утверждает, что раньше, до коллективизации, на улицах села было чище, чем теперь: их убирали перед праздниками. Но тут же оговаривается: «Зимой навоз вывозили на лед, на Иню, у кого силы были. Когда лед шел, топлыли целые кучи навоза. У сибиряков [в усадьбе] целые горы навоза были»⁴.

В большинстве селений отсутствовали скотомогильники. Трупы павших от эпизоотии домашних животных часто не обеззараживали и не закапывали глубоко в землю, а просто бросали, едва присыпанными, за околицей, откуда их по частям растаскивали собаки⁵.

Характерная черта крестьянских подворий в изучаемый период — практически полное

Изв. вузов: Строительство и архитектура. 1990. № 2. С. 64–65.

¹ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Несентиментальное путешествие // Вокруг света. 1990. № 10. С. 39.

² См.: Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 1. С. 189; Семёнов-Тян-Шанский В. П. Указ. соч. С. 40; Сумкин М. В. В Сибирь за землю: Записки ходока. М., 1908. С. 16; и др.

³ См.: Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай: Ист.-стат. сб. Томск, 1890. С. 219; Отчет Медицинского департамента МВД за 1889 г. СПб., 1891. С. 52—54; Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г. // Томские губ. ведомости. 1883. 8 сент.; и др.

⁴ Голоса крестьян: Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996.

⁵ См.: Воронов К. С. Томский и Каинский округа в медицинском отношении // Томские губ. ведомости. 1865. 21 мая; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ.

отсутствие в них специальных отхожих мест (туалетов). Нужду справляли на скотном дворе, просто где-нибудь у забора. Когда в 1926 г. в Каменском округе (в основном в северных Битковском и Спириновском районах) собрали сведения о 1293 домохозяйствах, то отхожее место обнаружилось только в одном дворе¹.

У старожилов Приобья, как и повсеместно в Сибири, вошло в обычай небрежное в санитарном отношении содержание источников водопользования. Врачи выражали обеспокоенность по этому поводу уже в своих отчетах досоветского периода². В середине 1920-х гг. обследование водоснабжения почти всех крупных селений на территории Новосибирской области показало его неудовлетворительное состояние, в числе в Приобской зоне — в Каменском и Новосибирском округах (см. таблицу).

Обозначенный в таблице коэффициент водообеспеченности здешних селений означает, что соответственно только 40 и 54 % из них пользовались годной для питья водой круглый год и в достаточном количестве. Врачи и инженеры нашли в приемлемом санитарном состоянии лишь 4 из каждых 10 колодцев — главных источников водоснабжения, 1/7 часть речных, от четверти до половины озерных и прудовых мест разбора воды. Причем старожилы мало отличались от переселенцев своим отношением к гигиене воды. И у тех, и у других меньше половины колодцев имели общественную бадью: каждый раз разные хозяева пользовались другим, не всегда чистым, ведром. В отдалении от скотного двора — на расстоянии не менее 20 м — догадались вырыть колодцы только 58 % их владельцев в Каменском и 85 % — в Новосибирском округах. Плотины почти всех прудов оказались насыпанными с использованием навоза, и т. д. Неизбежное в таких условиях загрязнение водных источников дополнялось стиркой в них или рядом с ними белья, водопоем и купанием домашнего скота, вымачиванием кож, льна и конопли. Все это делало воду местами мало пригодной для питья и приготовления пищи, способствовало распространению инфекций.

Справедливости ради следует признать, что в 1920-е гг. сибирская природа еще в основном справлялась с антропогенным загрязнением — вода самоочищалась. Об этом говорит тот факт, что средние показатели для фактического качества воды во всех типах водоисточников при обследовании оказывались более высокими, чем для их санитарного содержания населением (см. таблицу).

Томск, 1876. С. 87; Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 245.

¹ Брызгунова Е. В., Кыштымова Т. А. Крестьянская изба Каменского окр. // Сиб. мед. журн. 1928. № 9. С. 9.

² См., например: Отчет Медицинского департамента МВД за 1878 г. 1880. С. 56; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1904 г. СПб., 1906. С. 75.

**Санитарное состояние источников водопотребления у населения
Верхнего Приобья и Барабы (1924–1927 гг.)**

Показатель санитарного состояния	Округа		
	Барабинский	Каменский	Новосибирский
Обследовано селений	196	447	442
Коэффициент обеспеченности селений водой	30	40	54
Количество селений, потребляющих питьевую воду, %:			
грунтовую (колодезную)	89	88	93
речную	4	34	41
озерную и прудовую	23	10	2
из различных источников	14	32	36
Количество дворов, приходящихся на один колодец	2,0	1,8	2,1
В т. ч.: у старожилов	2,5	1,8	2,8
у переселенцев	2,7	1,9	3,1
Количество колодцев, %:			
с водой удовлетворительного качества	47	53	80
имеющих общественную бадью	15	48	27
расположенных вдали от скотного двора	46	58	85
имеющих водоподъемный журавль	63	85	85
в целом с удовлетворит. санитарным состоянием	22	40	43
в т. ч.: у старожилов	31	42	39
у переселенцев	30	39	18
Количество рек, %:			
с удовлетворительным качеством воды	-	41	60
с удовлетворительным санитарным состоянием	33	13	15
в т. ч.: у старожилов	-	11	14
у переселенцев	100	15	42
Количество озер и прудов, %:			
с удовлетворительным качеством воды	25	35	44
с удовлетворительным санитарным состоянием	46	24	51
в т. ч.: у старожилов	36	22	-
у переселенцев	67	35	20
прудов с навозным телом плотины	33	81	93

* Таблица составлена по данным: *Гаркунов И. К.* Сельское водоснабжение Сибирского края. Новосибирск, 1929. С. 8, 31—34, 36, 42—43, 45, 51, 53—54, 56, 71.

Перейдем к обследованным в 1920-е гг. **переселенческим поселкам в средней и южной частях Барабинско-Кулундинской зоны нашей области.** Их местоположение вызвало весьма критические оценки специалистов. В большинстве случаев фиксировался «исключительно неудовлетворительный выбор в санитарном отношении мест для заселения»¹. Из 34 населенных пунктов, осмотренных в Каргатском и Индерском районах Новосибирского округа, 26 оказалось расположенными вблизи болот и на солончаках². В Барабинском округе заболочено было 14 из 15 обследованных поселков³. Такое размещение вредило здоровью людей из-за повышенной влажности воздуха и частых туманов, высокого

¹ ГАНО, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 2.

² Там же.

³ *Гречищев К. М.* Материалы... С. 7.

стояния почвенных вод и отсутствия доброкачественной питьевой воды.

Нарекания врачей и инженеров вызвала неудачная планировка многих поселений: на улицах, вытянутых вдоль малых речек и продольных возвышенностей — «грив», свободно гуляли суровые ветры. Зимой дома почти целиком заносило снегом. «Выбор места для населенных пунктов и их планирование почти во всех случаях определялись вкусами и хозяйственными соображениями ... первых основателей, и от этого зависели их организация и развитие, зачастую расходившиеся с самыми элементарными требованиями гигиены», — констатировал Новосибирский окрздрав после осмотра поселков в Восточной Барабе¹. Это утверждение не вполне справедливо. Дело в том, что старожилы заняли в свое время самые благоприятные для поселения места на линии Сибирско-Московского тракта, по берегам наиболее крупных рек и пресных озер, а на долю новоселов досталось освоение «неудобиц». Кроме того, у «чалдонов» имелось время для обживания, иные их поселения не раз были перенесены на новое место, прежде чем «укоренились» окончательно. Переселенцы же конца XIX – первой трети XX в. не располагали возможностью для подробного ознакомления с местностью. А во многих случаях не имели выбора — селились там, где указали чиновники, «заведовавшие» миграциями столыпинской и ранней советской эпохи.

Некоторые наблюдатели начала XX в. из числа апологетов переселенческой политики правительства после посещения переселенческих селений (с. Купино, д. Черная Курья нынешнего Карасукского района и др.) выражали восхищение чистотой и порядком в них, «действительным, а не показным благополучием» во дворах и хатах новоселов, которые живут «без всякой нужды»². Возможно, такие оценки отражали наличие реальных преимуществ жизни мигрантов «на новой земле» по сравнению с тем, что они оставили на родине. Однако больше доверия заслуживают компетентные обследователи 1920-х гг. Их приговор был суров: «Стремление к общему благоустройству, а также и к санитарному, в переселенческих поселках отсутствует; в этом отношении даже тенденция отдельных хозяйств находится лишь в зачаточном состоянии. Поселки в значительном числе своем находятся в стадии непрерывно увеличивающегося загрязнения»¹. Основные претензии были однотипны тем, что предъявлялись к приобским старожилам, но существовала и своя специфика.

Специально отведенные свалочные места имелись только в 1/5 части переселенческих поселков. Свалки размещались не далее 2 км от жилья. В местности, где животноводство являлось одним из главных занятий крестьянства, «занавоживание» дворов, улиц и околиц, источников водоснабжения происходило особенно быстро. Большинство поселков не

¹ ГАНО, ф. Р-1353, оп. 1, д. 32, л. 4.

² *Воццини В. П.* На сибирском просторе. СПб., 1912. С. 25—30.

располагало специальными скотомогильниками. Кое-где устраивали рекреационные места – общественные площади, бани и туалеты, но таких поселков было немного — 10—20 %, по общесибирским данным².

О банях следует сказать особо. Издавна у русских людей банные процедуры считались хорошим восстановительным и оздоровительным средством. В старожильческих селениях Приобья и Барабы бани имелись почти в каждом дворе. Значительно хуже обстояло дело в переселенческих поселках. В приречных местах Каргатского и Индерского районов одна баня приходилась на 4—5 семей, а в селениях, стоявших «на колодцах» — на 10—15 дворов³. Посещали баню старожилы еженедельно. Новоселы стремились к тому же, но по недостатку бань это у них не всегда получалось. При этом надо учитывать, что в сибирских банях изучаемого периода крестьяне не столько мылись, сколько парились. Веник никогда не дезинфицировали, он переходил из рук в руки, и там, где баней пользовалось несколько семей, становился переносчиком бытового сифилиса и иной заразы. Мыло при мытье употребляли редко, его заменяли щелок и прочие суррогаты. Банные помещения, особенно у новоселов, обычно были малы по размерам (в Восточной Барабе в среднем — 3,5×3,0×1,6 м), не имели предбанника, топились «по-черному». Они одновременно служили местом стирки грязного белья (полоскание производили на открытом водоеме либо вблизи колодца), и это не прибавляло им санитарных достоинств. Переселенцы из южнорусских и белорусских губерний местами сохраняли обыкновение париться не в бане, а в жарко протопленной русской печи. Украинцы по привычке мылись в корытах.

Перейдем к остальным сторонам санитарии в поселениях, рассыпанных по «березовой степи».

На рубеже веков Бараба являлась районом довольно развитого маслоделия. Этот отрадный с экономической точки зрения факт имеет оборотную сторону. Медицинские работники указывали, что деревенские промышленные предприятия, в том числе большинство маслодельных заводиков, из-за примитивного технического устройства, отсутствия очистки сточных вод служили источниками экологического загрязнения. Еще один антисанитарный фактор: дворовые и общественные отхожие места в степных поселках устраивали так же редко, как и в селениях Приобья (менее одного домохозяйства из сотни)⁴.

Водоснабжение в его санитарных аспектах испытывало в Барабинско-Кулундинской зоне много объективных трудностей (см. таблицу). Здесь было меньше, чем в Приобье, водоисточников с изначально приемлемым объемом и качеством воды: наблюдались

¹ Гречищев К. М. Материалы... С. 9.

² Там же. С. 8; ГАНУ, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 2.

³ ГАНУ, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 2 об.

⁴ Там же, л. 2—2 об.; Гречищев К. М. Материалы... С. 16.

чрезмерная минерализация грунтовых вод солями магния и кальция, пересыхание летом и вымерзание зимой до дна открытых водоемов, застаивание и загнивание слабопроточных речек и т. д.¹

Такие условия неизбежно должны были заставлять здешних новоселов бережно относиться к воде. И действительно, массовое обследование установило, что в Барабинском округе (а также в Славгородском, куда входили юго-западные районы нынешней Новосибирской области) уход за речными, озерными и прудовыми местами водопользования у переселенцев строился гораздо лучше, чем у старожилов. Инженер И. К. Гаркунов отмечает: «... переселенцы и выделенцы (старожилы, выехавшие на постоянное жительство из большого села на выселок. — В. З.), т. е. группы населения, которые менее всего обеспечены речной водой, они бережнее относятся к водотокам, охраняя их от загрязнения. Старожилы же, расположившись вдоль рек, вдвое халатнее ... обращаются с реками и мало заботятся об их санитарии»².

Что касается искусственных водоемов (прудов, котлованов), то при их сооружении «коренным», старожильческим населением никакого участия не принимали специалисты. В переселенческих же поселках основные водоемы воздвигались в начале века Переселенческим управлением по типовым проектам и под техническим надзором. В 1920-е гг. новоселы и выделенцы прибегали к содействию ссудного кредита, а тем самым и к техническому руководству окружных землеуправлений. В обустройстве и содержании колодцев существенных различий между разными группами населения на территории Новосибирской области исследователи не обнаружили.

При изучении системы водопользования в 1920-е гг. обратили на себя внимание следующие негативные проявления санитарной культуры новоселов.

1. Несовершенное устройство колодцев — основного вида водоисточников. Их располагали близко к скотным дворам, рыли неглубоко: в Индерском и Каргатском районах 89 % имело глубину всего 3—4 м. Укрепляли неподходящим материалом: в 79 % случаев применяли березовые доски, исключавшие их хорошую подгонку друг к другу, а в остальных 21 % — и вовсе ивовый плетень¹. Колодезные шахты не имели в верхней части глиняного замка, подавляющее большинство колодцев не располагало крышками и общественными бадьями. Площадку вокруг не утрамбовывали, не вымащивали. Нередко имел место склон площадки не от водоисточника в сторону, а наоборот. Стандартным подъемным механизмом для грунтовой воды в сибирской деревне являлся противовес — «журавель». Но в Барабе больше чем у трети колодцев журавля не было, воду поднимали

¹ См.: Гаркунов И. К. Указ соч. С. 26, 37, 39, 44.

² Там же. С. 44.

ведром на веревке, перекинутой через блок, или просто «с руки». Санитарные врачи имели все основания констатировать: «Примитивное устройство колодцев дает доступность к свободному затеканию в колодцы поверхностных загрязнений во все времена года»².

2. Негодный порядок пользования грунтовой водой и ухода за колодцами. Проникновение в сруб грязи возрастало при практиковавшихся около головки колодца водопое скота, стирке белья и прочих хозяйственных действиях, связанных с расплескиванием влаги. В Каргатском и Иnderском районах стирка и полоскание белья у колодцев были зафиксированы в 56 %, водопой для скота — в 86 % случаев³.

При тонком слое воды и сильном ее загрязнении особое значение имели бы регулярная очистка и ремонт колодцев. Врачи рекомендовали проводить такую работу не менее двух раз в год — весной и осенью. Однако при опросе жителей переселенческих поселков Сибири выяснилось, что 67 % колодцев очищались владельцами лишь один раз в 1—2 года. Остальные либо вовсе ни разу не чистили и не ремонтировали, либо делали это недопустимо редко. Барабинский округ, наряду с Омским, особо выделялся в Сибири плохим санитарным состоянием колодцев⁴. В восточно-барабинской части Новосибирского округа вода, годная для питья, тоже встречалась «только в 25—30 % всех обследованных колодцев, и это – по оценке самого сельского жителя, крайне нетребовательного к питьевой воде»⁵.

3. «Занавоживание» воды в реках и искусственных открытых водоемах. Сибирские крестьяне недооценивали опасность от размещения скотных дворов рядом с речным и озерным урезом, от сваливания на берега рек (зимой — на лед) различных нечистот, мусора и навоза. При таянии снега, в половодье все нечистоты относил на некоторое расстояние, а затем они оседали на дно. От этого весенняя вода часто имела резкий запах навоза и азотистый привкус. Путем химического анализа в 47 % всех речек Новосибирского округа был выявлен аммиак, еще в 8 % — азотная и азотистая кислота¹. На этом фоне Барабинский округ выделялся удовлетворительным состоянием рек, но речное водоснабжение имело в нем минимальное распространение.

Большее значение для Барабы и Кулунды имели пруды (см. таблицу). Между тем, 1/3 всех мельничных и влагонакопительных прудовых плотин здесь была возведена так: слои хвороста чередовали слоями земли, смешанной с «назьмом». В результате в летнюю жару вода как бы настаивалась на навозе. Ею пользовались даже для питья, как пользовались кое-где и болотной водой, кишевшей микроорганизмами.

¹ ГАНУ, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 3.

² Там же, ф. Р-1353, оп. 1, д. 32, л. 5.

³ Там же, ф. Р-2008, оп. 1, д. 7, л. 3.

⁴ Гаркунов И. К. Указ. соч. С. 32—33; Гречищев К. М. Материалы... С. 20, 22.

⁵ ГАНУ, ф. Р-1353, оп. 1, д. 32, л. 5.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Массовые углубленные обследования 1924—1927 гг. показали, что в селениях на территории нынешней Новосибирской области в течение второй половины XIX — первой трети XX в. сельчане сохраняли хорошие традиции, добивались определенных успехов при дальнейшем санитарно-гигиеническом обустройстве своей жизни. Под влиянием реальных экологических затруднений, культурно-просветительной деятельности интеллигенции, в результате административного давления ситуация в ряде аспектов улучшалась: в степи вокруг поселков шли гидромелиоративные работы, увеличивалось количество колодцев, в крупных селениях старожилов и новоселов совершенствовались планировка, строили общественные рекреационные места, занимались озеленением и т. д.

Однако в течение всего изучаемого периода в оценке ситуации специалистами доминировали сугубо критические тона. В 1880-х гг. врачи Томской губернии сетуют: «В деревнях и селах издаваемые для жителей обязательные постановления по санитарной части весьма плохо исполняются»². В 1923 г. крупный гигиенист К. М. Гречищев пишет: «Всё сельское население Сибири ... доселе остается вне какого бы то ни было влияния санитарной культуры». И далее: «... у сельского населения Сибири нет запросов к гигиенической жизни и нет к этому навыков»³. Уже с учетом итогов массовых обследований в 1928—1929 гг. новосибирские медики отмечают в отчетном докладе Сибкрайисполкому: «Высокая эпидемичность края, низкий уровень санитарно-технической культуры наших населенных мест ... всегда выделяли Сибкрай среди других мест России»⁴.

В отечественной науке изучаемого времени были хорошо разработаны рациональные требования к санитарно-гигиенической культуре населенных мест, источников водоснабжения и жилья, и мнение квалифицированных специалистов о том, насколько соответствует стандартам крестьянский санитарный быт, для нас является определяющим. Приведенные в настоящей статье факты тоже заставляют всерьез относиться к негативным оценкам. Но эти же факты позволяют внести в оценку ситуации элементы социальной дифференциации и исторической динамики. С историко-культурологической точки зрения важно отметить, что основные характеристики санитарной культуры, витального поведения и старожилого, и переселенческого крестьянства на всей территории нашего края являлись типологически однородными. Однако во многих частных аспектах обстановка во дворах и поселениях старожилов выглядит более предпочтительной. Наблюдатели досоветского

¹ Гаркунов И. К. Указ. соч. С. 42.

² Отчет Медицинского департамента МВД за 1883 г. 1886. С. 255.

³ Гречищев К. М. Санитарное состояние Сибири и главнейшие условия его улучшения // Лечебно-санитарное состояние Сибири за 1923 г. Новониколаевск, 1924. С. 451.

⁴ ГАНО, ф. Р-47, оп. 1, д. 268, л. 18.

периода, восхваляя «российских самоходов» (добровольных мигрантов из Европейской России) за набожность, трудолюбие и честность, особо отмечали их «привычку к неопрятности» в быту¹. От крестьян-старожилов можно было слышать такие рассуждения по адресу новоселов: «Только слава, что крещеные, а живут не обрядно: свиньями свиньи», «Лопатня (переселенцы носили не свойственные сибирякам лапти. – В. З.) как свинья — что на дворе, то и в избе»².

Грубые по форме, такие суждения не вполне справедливы и по существу. Бытовая неустроенность, санитарно-гигиенические упущения новоселов не всегда объяснялись приверженностью к несовершенным либо попросту устаревшим привычкам, усвоенным на родине. Многие шло от низкой степени материального достатка, от незнания здешних природно-климатических и социальных условий. По мере «укоренения» на новых местах, накопления материальных и денежных средств на обустройство, санитарно-бытовая обстановка в поселениях и на подворьях крестьян нормализовалась. Между старожильческими селениями тоже была существенная разница, обусловленная различиями в географических условиях их размещения, в степени зажиточности населения, в активности культурно-просветительной деятельности местной интеллигенции, в настойчивости органов власти и самоуправления при развитии санитарной инфраструктуры поселений и культуры сельчан.

¹ См.: *Воронов К. С.* Указ. соч. 16 апр.; *Костров Н. А.* Каинская Бараба // Томские губ. ведомости. 1874. 9 ноября; *Турбин С. И.* Сибирь: Краткое землеописание. СПб., 1871. С. 48—49; и др.

² *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 15; *Турбин С. И.* Страна изгнания и Исчезнувшие люди: Сиб. очерки. СПб., 1872. С. 37.